

DOI: 10.12731/2576-9634-2025-9-2-223

EDN: HUCVJE

УДК 340.152

Научная статья

АКТУАЛЬНЫЕ НОРМЫ РИМСКОГО ПРАВА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

М.Ю. Ушаков, О.А. Мекка

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена исследованию влияния норм римского права на современное российское гражданское законодательство. Авторы анализируют ключевые институты, такие как принцип добросовестности (*bona fides*), сервитуты, договорные обязательства, (*pacta sunt servanda*) и наследственное право, выявляя их преемственность и адаптацию в российском правовом поле. Особое внимание уделяется актуальности этих институтов в условиях цифровизации экономики и развития рыночных отношений.

Материалы и методы. Исследование основано на сравнительно-правовом, историко-правовом и системном методах, что позволило авторам провести детальный анализ эволюции римских правовых норм и их отражения в Гражданском кодексе РФ. В работе подчеркивается универсальность римского права, которое продолжает служить основой для современных юридических конструкций, несмотря на многовековую историю.

Проведенное исследование позволило выявить значительное влияние норм римского права на современное российское гражданское законодательство.

Ключевые слова: Римское право; добросовестность; сервитуты; договорные обязательства; наследственное право; российское гражданское законодательство

Для цитирования. Ушаков, М. Ю., & Мекка, О. А. (2025). Актуальные нормы римского права в российском гражданском законодательстве. *Russian Studies in Law and Politics*, 9(2), 4–19. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2025-9-2-223>

Original article

RELEVANT NORMS OF ROMAN LAW IN RUSSIAN CIVIL LEGISLATION

M.Y. Ushakov, O.A. Mekka

Abstract

Background. The article examines the impact of Roman Law principles on contemporary Russian civil legislation. The authors analyze key legal institutions, such as principle of bona fides, easements (servitudes), contractual obligations (pacta sunt servanda), and inheritance law, tracing their continuity and adaption with the Russian legal framework. Special attention is given to the relevance of these institutions in the context of economic digitalization and the development of market relations.

Materials and methods. The study is based on comparative legal, historical legal, and systematic methods, which allowed the authors to conduct a detailed analysis of the evolution of Roman legal norms and their reflection in the Civil code of the Russian Federation. The paper emphasizes the universality of Roman Law, which continues to serve as the foundation for modern legal constructs, despite its centuries – old history.

The conducted research has revealed a significant influence of the norms of Roman law on modern Russian civil legislation.

Keywords: Roman Law; bona fides; servitudes; contractual obligations; inheritance law; Russian Civil legislation

For citation. Ushakov, M. Y., & Mekka, O. A. (2025). Relevant norms of Roman law in Russian civil legislation. *Russian Studies in Law and Politics*, 9(2), 4–19. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2025-9-2-223>

Введение

Римское право, являясь фундаментом современной романо-германской правовой семьи, продолжает оказывать значительное влияние на развитие гражданского законодательства многих стран, включая Россию. Его рецепция прослеживается через заимствование

ключевых институтов, таких как право собственности, обязательственные отношения и наследование. Несмотря на многовековую историю, принципы римского права остаются актуальными, адаптируясь к современным экономическим и социальным реалиям. По мнению Е.А. Суханова и Л.Л. Кофанова, «Российское гражданское право почти никогда не использовало напрямую законодательные решения Римского права» [4]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа степени преемственности между римским правом и современным российским гражданским законодательством, особенно в контексте реформ гражданского метода ГК РФ. Как отмечает В.А. Летяев, «наследие римского права стало важнейшей составляющей на которой выстраивалось развитие русского права и отечественного правоведения. Оно помогло русскому праву сохранить самобытные черты, довести свою систему до научных теоретических образцов, содержащихся в римском праве» [5]. Современные интерпретации римских институтов, такие как право собственности, обязательственное право и структура юридических сделок, подтверждают их универсальность и адаптивность, что подчеркивает необходимость дальнейшего изучения их влияния на развитие национального права.

Материалы и методы

В рамках исследования использованы диалектический, историко-правовой, сравнительно-правовой методы, а так же системный метод. На основе диалектического метода, выявлена эволюция, рецепции, римского права, в российское гражданское законодательство, определено влияние античных юридических конструкций на современные правовые институты в условиях современной России. С помощью историко-правового метода проведен анализ трансформации ключевых норм римского частного права (принципа *bona fides*, договорных обязательств, сервитутов) и их адаптации в российском гражданском праве. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить классические положения римского права с нормами Гражданского кодекса РФ, выявить степень их преемственности и

современные модификации. А посредством метода системного анализа исследовано значение римских правовых принципов в структуре современного гражданского законодательства, определены их взаимосвязи с цифровыми институтами (например, электронными сделками).

Результаты и обсуждение

Римское право, являясь фундаментом современной юриспруденции, продолжает оказывать существенное влияние на правовые системы многих государств, в том числе Российскую Федерацию. Несмотря на многовековую историю, многие принципы и институты римского права сохраняют свою актуальность и находят отражение в современном российском гражданском законодательстве.

Проведенное исследование выявило значительное влияние норм римского права на современное гражданское законодательство, что особенно проявляется в условиях рыночной экономики.

Особую актуальность в эпоху современной России сохраняет принцип *bona fides* (добросовестность) закрепленный в ст. 1 и 10 ГК РФ. По мнению Д.И. Быкова, «концепция добросовестности - важный элемент который связывает юридическую строгость с этическими нормами» [1, с. 94]. Однако применение данного принципа в условиях массовой цифровизации общества (в сфере блокчейн-технологий и смарт-контрактов) требует существенной модернизации традиционных подходов. Как отмечает А.М. Мамаев, «Принцип добросовестности в гражданском праве может использоваться как воспитательная мера, целью которой является оздоровление существующих гражданских правоотношений» [5, с. 81-86]. В Российской правовой доктрине выделяют несколько функций *bona fides*: 1) Конкретизирующая – уточняет права и обязанности сторон в рамках уже существующих правоотношений (например, п. 3. Ст. 307 ГК РФ) [2], 2) Дополняющая – вводит дополнительные обязанности, прямо не указанные в договоре (например, обязанность раскрывать существенную информацию). 3) Корректирующая – позволяет судам отклоняться от буквального толкования норм, если это ведет к

несправедливости. Принцип *bona fides* является общепризнанным в международном праве. Гуго Гроций еще в семнадцатом веке утверждал, что «Если бы не добросовестность, никакие отношения между народами не были бы возможными» [11]. В Венской конвенции о праве международных договоров 1969 (ст. 26), закреплено что, договоры должны исполняться (опять же *pacta sunt servanda*) [15]. Так же можно отметить современный европейский аналог *bona fides*, называется “*Treu und Glauben*” который закреплён в § 242 ГГУ [14]. Несмотря на законодательное закрепление, суды нередко смешивают добросовестность и злоупотребление правом. Как отмечает Заур Заманов, после внесения изменений в ГК РФ в 2013 году, а именно в ст. 10, что «злоупотребление правом является заведомо недобросовестным поведением», «судебная практика необоснованно игнорирует рассматриваемый принцип, неверно отождествляя его с понятием злоупотребления правом» [3, с. 161]. Теперь это является своего рода проблемой. В условиях цифровой экономики принцип добросовестности приобретает новое звучание. Необходимо разрабатывать четкие стандарты для оценки добросовестности в электронной коммерции и разных сложных сделках (в духе смарт-контрактов и т.д.) Американский юрист Эндрю Бальтазор, исследуя принцип *bona fides* к криптовалютам, подчеркивал «необходимость защиты добросовестных покупателей в случае кражи цифровых активов» [13]. В Российском праве аналогичные вопросы возникают при толковании ст. 302 в контексте блокчейн-транзакций. Принцип добросовестности (*bona fides*), унаследованный из римского права, остается актуальным и в цифровую эпоху, адаптируясь к новым технологическим реалиям. Российское законодательство, опираясь на традиции гражданского права, должно учитывать международный опыт и развивать нормы, обеспечивающие добросовестность в цифровых сделках.

Касаемо вещного права, то институт сервитутов (ст. 274 ГК РФ) демонстрирует прямую преемственность с римскими *servitutes*, что подтверждается анализом, как исторических источников, так и современных правовых конструкций. В Римском праве сервитут

понимался как вещное право на чужую вещь, позволяющее определенному лицу или собственнику недвижимости осуществлять непосредственное господство над чужой вещью в определенных пределах. В целом данная фундаментальная концепция сохранилась в российском законодательстве. Как отмечает Д. И. Азаревич в «Системе римского права» сервитуты представляли собой «как бы составные части собственности, самостоятельные установленные определенным правовым субъектам» [10, с. 438-439]. Римское право сформулировало несколько фундаментальных принципов сервитутов, которые полностью восприняты российским законодательством: 1) *Nulli res sua servit* («своя вещь не может быть объектом сервитута») – сервитут возможен только в отношении чужой собственности. Этот принцип прямо отражен в п.1. ст. 274 ГК РФ, устанавливающим, что сервитут обременяет именно «недвижимое имущество собственника». 2) *Servitus in faciendo consistere nequit* («сервитут не может заключаться в исполнении» содержание сервитута не может состоять в обязательстве совершать активные действия. В российском праве это выражается в том, что сервитут предполагает либо право требовать от собственника воздержания от определенных действий, либо обязанность собственника терпеть действия управомоченного лица. 3) *Servitus fundo utilis esse debet* – сервитут устанавливается для объективной пользы недвижимости, а не для личных нужд собственника. Аналогичное требование содержится в п.1. ст. 274 ГК РФ, где указано, что сервитут устанавливается для «нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута». 4) Неделимость сервитута – сервитут распространяется на весь участок, даже если фактически используется его часть. Этот принцип нашел отражение в п.3. ст. 274 ГК РФ, устанавливающим, что сервитут сохраняется при переходе прав на недвижимость. 5) Вечность сервитута – в отличие от других вещных прав, сервитут имеет потенциально бессрочный характер. В российском праве это выражается в возможности установления как срочных, так и постоянных сервитутов. Несмотря на многовековую историю, институт сервитутов продолжает развиваться

ся, сталкиваясь с новыми вызовами. В частности в российском праве актуальными остаются вопросы: 1) Соотношение сервитутов и регламентных ограничений прав собственности (градостроительные, экологические и иные ограничения). 2) Проблема компенсации за установление сервитута – в римском праве сервитут обычно устанавливается безвозмездно, тогда как современное законодательство все чаще предусматривает компенсационные механизмы. 3) Вопросы регистрации сервитутов и их обременяющего действия – если в римском праве сервитут возникал в силу традиции или договора, то современное право требует формальной регистрации. 4) Расширение сферы применения сервитутов на новые объекты (например, цифровые активы или воздушное пространство). 5) Проблемы защиты при установлении публичных сервитутов – в римском праве сервитуты были преимущественно частноправовыми конструкциями, тогда как современное законодательство активно использует публичные сервитуты. Благодаря своей продуманности и адаптивности, римская система сервитутов смогла сохранить актуальность в различных исторических и правовых контекстах.

Римское право, несмотря на свою обширность и значимость в мире требует модернизации. Например, в 2023 Государственная Дума Российской Федерации приняла закон №430-ФЗ, который внёс изменения в Земельный Кодекс РФ и позволил устанавливать публичный сервитут, в частности для размещения линий связи. «Публичный сервитут в отношении земельных участков и (или) земель для их использования в целях, предусмотренных настоящей статьей, устанавливается органами, предусмотренными пунктом 4 статьи 3.9 настоящего Федерального закона, за исключением случаев, предусмотренных статьей 39.38 Земельного кодекса Российской Федерации» [ст. 2].

В сфере обязательственного права сохраняет свою актуальность принцип *pacta sunt servanda* (ст. 309, 310 ГК РФ). Данные статьи закрепляют обязательность исполнения обязательств и недопустимость одностороннего отказа исполнения, за исключением случаев, предусмотренных законом. Исторически данный принцип восходит

к римскому праву, где он сформировался как основа стабильности коммерческих отношений. «Первое письменное упоминание этого принципа встречается в работах канониста кардинала Гостиеуса в 12м веке, опубликованных в 16 веке» [12, с. 416]. В современной юриспруденции *pacta sunt servanda* рассматривается не только как правовая норма, но и как «принцип, имеющий глубокое моральное и религиозное значение» [13], что отмечал профессор международного права Ханс Веберг. В российском гражданском праве *pacta sunt servanda* проявляется в нескольких аспектах: 1) Обязанность исполнения обязательств (ст. 309 ГК РФ) требует от сторон надлежащего выполнения всех условий договора в соответствии с его буквой и духом. 2) Недопустимость одностороннего отказа (ст. 310 ГК РФ) запрещает произвольное прекращение обязательств без согласия контрагента или решения суда. 3) Принцип добросовестности (ст. 1 ГК РФ) дополняет *pacta sunt servanda*, требуя от участников честности и разумности в поведении. Современное понимание свободы договора в российском праве должно гармонично сочетаться с принципом неизыблительности договорных обязательств. Особую актуальность в современных условиях приобретает вопрос соотношения принципа *pacta sunt servanda* с возможностью адаптации договора при существенном изменении обстоятельств. Российское право, как и многие другие правовые системы, сталкиваются с дилеммой: с одной стороны – необходимость соблюдения договоров, с другой – справедливое распределение рисков при кардинальном изменении условий. В международном праве для решения этой проблемы используется *clausula rebus sic stantibus*, позволяющий сторонам выйти из договора при коренном изменении обстоятельств. Аналогичные подходы разрабатываются и в национальных системах. Принцип *pacta sunt servanda* не является абсолютным и имеет ряд ограничений: 1) нормы *jus cogens* – императивные нормы международного права, которые имеют приоритет над договорными обязательствами. 2) Изменение обстоятельств – принцип *clausula rebus sic stantibus* как исключение из *pacta sunt servanda*. 3) Требование добросовестности – договорные обязательства должны исполняться добросовестно, что

иногда может корректировать их буквальное содержание. Принцип *pacta sunt servanda* сохраняет свою актуальность в российском гражданском праве как краеугольный камень договорных отношений. Однако его современное понимание требует гибкости и учета изменяющихся экономических условий. Как показывает сравнительный анализ, различные правовые системы находят баланс между нами стабильностью договор и справедливостью в изменяющихся обстоятельствах. Развитие российского права должно учитывать как международный опыт, так и специфику национальной правовой системы сохраняя преемственность с римско-правовой традицией и одновременно адаптируя её к современным реалиям.

В наследственном праве так же прослеживается влияние римских институтов легатов и завещательных отказов (ст. 1137 ГК РФ). Как отмечают исследователи Е.Л. Сигачева и О.П. Борисова, «Римское частное право представляет собой уникальный исторический и правовой феномен, оказавший решающее влияние на развитие законодательства государств континентальной правовой системы о наследстве» [8, с. 136]. В их работах так же подчеркивается, что «доктрина наследственного правопреемства была органично воспринята российским гражданством и получила дальнейшее развитие» [8, с. 137]. При этом в научной среде ведутся дискуссии о пределах рецепции римского права. Например, О.А. Омельченко отмечает, что «в современной юридической культуре римское право не имеет практического значения» [5, с. 7]. В римском праве существовало два основных вида завещательных отказов: легаты (*legatum*) и фидеикомиссы (*fideicomisum*). Легат представлял собой завещательный отказ, который всегда обременял только наследника по завещанию и был обязательным для исполнения. Как отмечает Осипов А.С., «легат устанавливал сингулярное преемство, не создающее для легатария никаких обязательств из долгов умершего» [7]. В римской юридической традиции выделялось несколько форм легатов: 1) Легат *per vindicationem* – устанавливал непосредственное право собственности легатария на конкретную вещь наследодателя, давая легатарии виндикационный иск. 2) Легат *per damnationem* – обя-

зывает наследника передать что-либо третьему лицу, предоставляя легатария только обязательственное право требования. Фидеикомисс (*fideicommissum*) возник в период Римской империи как более гибкая форма распоряжения. В отличие от фидеикомисс мог быть установлен не только в завещании, но и в кодицилле (дополнительном распоряжении), а так же мог обременять как наследников по завещанию, так и по закону. Первоначально фидеикомиссы носили характер неформальной просьбы наследодателя, обращенной к чести и совести наследника, но со времен Августа они получили исковую защиту. Современный институт завещательного отказа (ст. 1137 ГК РФ) вобрал в себя черты, как римских легатов, так и фидеикомиссов. Как и в Римском праве, завещательный отказ предполагает наличие трех субъектов: наследодателя, наследника (обязанного лица) и отказополучателя (легатария). Отказополучатель, как и в римской традиции, является сингулярным правопреемником и не отвечает по долгам наследодателя. Завещательный отказ и завещательное возложение представляют собой яркие примеры рецепции римского права в российское законодательство. Современное регулирование по сути сохранило основную идею римских институтов, адаптировав их к современным условиям. Интересен тот факт, что современное российское право, как и римское, сочетает свободу завещательных распоряжений с защитой интересов обязательных наследников. В Римском праве это выражалось в правиле о необходимом наследовании, по которому наследодатель обязан был оставить своим законным наследникам не менее одной четверти части того, что они получили бы при наследовании по закону. Современное российское право так же предусматривает право на обязательную долю в наследстве (ст. 1149 ГК РФ), что демонстрирует преемственность правовых традиций. Если сравнивать римский и современный правовой институт России, то можно выделить следующие сходства и различия: (Сходства) 1) Трехсторонняя структура отношений (наследодатель – наследник – отказополучатель), всё это сохранилось с римских времен. 2) Сингулярный характер правопреемства – отказополучатель получает только определенные права, не принимая

на себя обязанностей наследодателя. 3) Защита интересов обязательных наследников – как в римском, так и в современном российском праве ограничивается свобода завещая в пользу умерших родственников. 4) Возможность подназначения отказополучателя – современное российское право, как и римское допускает назначение дополнительного (запасного) отказополучателя. (Отличия) 1) Формальные требования к составлению завещательных распоряжений в современном праве значительно упрощены по сравнению с римским правом, где малейшее отклонение от установленных формул могло привести к недействительности всего завещания. 2) Круг возможных отказополучателей в современном российском гражданском праве значительно расширен – теперь это могут быть любые лица, а в римском праве существовали ограничения (нельзя было назначить наследником или отказополучателем иностранца или юридическое лицо. 3) Ответственность наследника по современному праву ограничена размером наследственного имущества, тогда как в римском праве наследник отвечал по долгам всем своим имуществом.

Римские институты легатов и фидеикомиссов оказали глубокое влияние на развитие наследственного права России. Современное российское право сохранило основную сущность этих институтов, адаптировав их к современным социально – экономическим условиям.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить значительное влияние норм римского права на современное российское гражданское законодательство. Анализ таких институтов как принцип добросовестности (*bona fides*), сервитуты, договорные обязательства (*pacta sunt servanda*) и наследственное право, демонстрируют их преемственность и адаптацию к современным условиям. Римское право остается фундаментом, на котором строится множество правовых систем, включая российскую, что подчеркивает его универсальность и актуальность.

Особую значимость приобретает принцип добросовестности, который, будучи укорененным в римской правовой традиции, нашел

отражение в Гражданском кодексе РФ и продолжает развиваться в условиях цифровизации общества. Институт сервитутов, сохранивший основные принципы, демонстрирует гибкость римских правовых конструкций, способных отвечать на вызовы современности, включая вопросы публичных обременений и компенсационных механизмов.

Принцип *pacta sunt servanda*, закрепленный в российском законодательстве, подчеркивает незыблемость договорных обязательств, одновременно требуя баланса между стабильностью и справедливостью в изменяющихся условиях. Наследственное право, вобравшее в себя элементы римских легатов и фидеикомиссов, сохраняет свою актуальность, адаптируясь к потребностям современного общества.

Римское право остается не только историческим фундаментом, но и динамичной системой, чьи принципы и институты продолжают обогащать российскую правовую доктрину. Дальнейшее изучение этих норм и их адаптация к новым технологическим и экономическим реалиям будут способствовать развитию гражданского законодательства, обеспечивая его соответствие, как традиционным ценностям, так и современным вызовам.

Список литературы

1. Быков, Д. И. (2025). Становление понятия добросовестности в Римском праве. *Экономика. Социология. Право*, (1), 94. Получено с <https://profit-brgu.ru/wp-content/numbers/2025-N1/ESP-2025-N1-11.pdf> (дата обращения: 05.05.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024).
3. Заманов, З. Р. (2020). Бона Фидес: правовая природа и актуальные вопросы. *Вопросы российской юстиции*, (7), 152–172.
4. Кофанов, Л. Л., & Суханов, Е. А. (1999). Влияние римского права на новый Гражданский кодекс Российской Федерации. *Древнее право. Ius antiquum*, (1), 7–20. Получено с <https://www.dirittoestoria.it/iusantiquum/articles/SuchKofanov.htm> (дата обращения: 08.05.2025).
5. Летяев, В. А. (2001). Рецепция Римского права в России XIX – начала XX века (Историко-правовой аспект). Автореферат докторской

- диссертации. Саратов. Получено с <https://iknigi.net/avtor-sergey-tkachenko/42872-informacionnaya-voyna-protiv-rossii-sergey-tkachenko/read/page-8.html> (дата обращения: 07.05.2025).
6. Мамаев, А. М. (2010). Социальные функции российского гражданского права. *Научный вестник Уральского академии государственной службы: политология, экономика, социология, право*, (2), 81–86.
 7. Омельченко, О. А. (2000). *Римское право: Учебник* (2-е изд., испр. и доп.). Москва: Тон-Остожье. 208 с. Получено с https://telecomlaw.ru/studyguides/Om_rom_law.pdf
 8. Осипов, А. С. (2011). Легат в римском праве: разновидности и особенности получения. *Novainfo*, (5). Получено с <https://novainfo.ru/article/833> (дата обращения: 08.05.2025).
 9. Сигачева, Е. Л., & Борисова, О. П. (2024). Наследство и наследники в римском праве: влияние на современность. *Право и управление. XXI век*, 20(1), 136–146. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2024-1-70-136-146>
 10. Азаревич, Д. А. (1887). *Система римского права* (т. I, с. 438–475). Санкт-Петербург. Получено с [https://ru.wikisource.org/wiki/Система_римского_права._Том_I_\(Азаревич\)/Сервитутное_право](https://ru.wikisource.org/wiki/Система_римского_права._Том_I_(Азаревич)/Сервитутное_право)
 11. Гуго Гроций. (1925). *De Jure Belli Ac Pacis Libri Tres*. Book III. Chapter. 25.1.
 12. Hyland, R. (1994). Pacta sunt servanda: a meditation. *Virginia Journal of International Law*, 34(2), 416.
 13. Balthazor, A. (2019). The bona fide acquisition rule applied to cryptocurrency. *Georgetown Law Technology Review*, 3(1), 402–425. Получено с <https://georgetownlawtechreview.org/wp-content/uploads/2019/05/3.1-Balthazor-pp-402-425.pdf> (дата обращения: 09.05.2025).
 14. Гражданское уложение Германии. (2015). Вводный закон к Гражданскому уложению (4-е изд., перераб.). Москва: Инфотропик Медиа. С. VIII–XIX, 1–715. Получено с <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/1900-Гражданское-уложение-1.pdf> (дата обращения: 09.05.2025).
 15. Венская конвенция о праве международных договоров. Статья 26. Получено с https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 09.05.2025).

References

1. Bykov, D. I. (2025). Formation of the concept of good faith in Roman law. *Economy. Sociology. Law*, (1), 94. Retrieved May 5, 2025, from <https://profit-brgu.ru/wp-content/numbers/2025-N1/ESP-2025-N1-11.pdf>
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One). (November 30, 1994, No. 51-FZ, amended August 8, 2024, changed October 31, 2024).
3. Zamanov, Z. R. (2020). Bonitas fides: Legal nature and topical issues. *Issues of Russian Justice*, (7), 152–172.
4. Kofanov, L. L., & Sukhanov, E. A. (1999). Influence of Roman law on the new Civil Code of the Russian Federation. *Antique Law*, (1), 7–20. Retrieved May 8, 2025, from <https://www.dirittoestoria.it/iusantiquum/articles/SuchKofanov.htm>
5. Letyaev, V. A. (2001). Reception of Roman law in Russia in the 19th – early 20th centuries (historico-legal aspect). Doctoral dissertation abstract. Saratov. Retrieved May 7, 2025, from <https://iknigi.net/avtor-sergey-tkachenko/42872-informacionnaya-voyna-protiv-rossii-sergey-tkachenko/read/page-8.html>
6. Mamaev, A. M. (2010). Social functions of Russian civil law. *Scientific Bulletin of the Ural Academy of State Service: Political Science, Economics, Sociology, Law*, (2), 81–86.
7. Omeltchenko, O. A. (2000). *Roman Law: Textbook* (2nd ed., revised and expanded). Moscow: Ton-Ostozh'e. 208 p. Retrieved from https://telecomlaw.ru/studyguides/Om_rom_law.pdf
8. Osipov, A. S. (2011). Legacy in Roman law: varieties and specifics of obtaining. *Novainfo*, (5). Retrieved May 8, 2025, from <https://novainfo.ru/article/833>
9. Sigacheva, E. L., & Borisova, O. P. (2024). Inheritance and heirs in Roman law: influence on contemporary times. *Law and Governance. XXI Century*, 20(1), 136–146. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2024-1-70-136-146>
10. Azarevich, D. A. (1887). *System of Roman Law* (Vol. I, pp. 438–475). St. Petersburg. Retrieved May 9, 2025, from [https://ru.wikisource.org/wiki/Система_римского_права.Том_I_\(Азаревич\)/Сервитутное_право](https://ru.wikisource.org/wiki/Система_римского_права.Том_I_(Азаревич)/Сервитутное_право)
11. Hugo Grotius. (1925). *De Jure Belli ac Pacis libri tres*. Book III. Chap-

- ter 25.1.
12. Hyland, R. (1994). Pacta sunt servanda: a meditation. *Virginia Journal of International Law*, 34(2), 416.
 13. Balthazor, A. (2019). The bona fide acquisition rule applied to cryptocurrency. *Georgetown Law Technology Review*, 3(1), 402–425. Retrieved May 9, 2025, from <https://georgetownlawtechreview.org/wp-content/uploads/2019/05/3.1-Balthazor-pp-402-425.pdf>
 14. German Civil Code. (2015). *Introductory Act to the Civil Code* (4th ed., updated). Moscow: Infotropik Media. pp. VIII–XIX, 1–715. Retrieved May 9, 2025, from <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/1900-Гражданское-уложение-1.pdf>
 15. Vienna Convention on the Law of Treaties. Article 26. Retrieved May 9, 2025, from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ушаков Михаил Юрьевич, студент 4 курса факультета «Гуманитарный»
*Муромский институт (филиал) федерального государственного
 бюджетного образовательного учреждения высшего образова-
 ния «Владимирский государственный университет имени Алек-
 сандра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»*
 ул. Орловская, 23, г. Муром, Владимирская область, 602264, Рос-
 сийская Федерация
Neron4671@yandex.ru

Мекка Олег Алексеевич, доцент кафедры «Юриспруденция», канди-
 дат философских наук
*Муромский институт (филиал) федерального государственного
 бюджетного образовательного учреждения высшего образова-
 ния «Владимирский государственный университет имени Алек-
 сандра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»*
 ул. Орловская, 23, г. Муром, Владимирская область, 602264, Рос-
 сийская Федерация
mekka58@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Mikhail Y. Ushakov, 4th year student, Faculty of Humanities

Murom Institute (branch) of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

23, Orlovskaya Str., Murom, Vladimir region, 602264, Russian Federation

Neron4671@yandex.ru

Oleg A. Mekka, Associate Professor of the Department of Jurisprudence,
Candidate of Philosophical Sciences

Murom Institute (branch) of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

23, Orlovskaya Str., Murom, Vladimir region, 602264, Russian Federation

mekka58@mail.ru

Поступила 02.05.2025

После рецензирования 14.05.2025

Принята 29.05.2025

Received 02.05.2025

Revised 14.05.2025

Accepted 29.05.2025